

Религиозная проблема въ современномъ освѣщеніи.

Кромѣ Фейербаха и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже преимущественно предъ нимъ должно назвать Огюста Конта, какъ основателя религіи Человѣчества. Контъ называетъ Человѣчество *le Grand-Être, le vrai Grand-Être, le véritable Grand-Être, l'Être-Suprême, le nouvel Être-Suprême*. Человѣчество есть существо безграничное и вѣчное (*un être immense et éternel*). Это великое понятіе Человѣчества, и единственно оно одно, обнимаетъ „совокупность позитивныхъ концепцій“ (*l'ensemble des conceptions positives*) ¹⁾, объединяетъ всѣ научныя представленія. вмѣстѣ съ тѣмъ оно образуетъ основу позитивной морали, такъ какъ „совокупность человѣческаго рода, настоящаго, прошедшаго и будущаго, составляетъ безграничное и вѣчное социальное единство, различные органы котораго, индивидуальныя или народныя, непрерывно связываемыя интимною и универсальною солидарностью, неизбежно содѣйствуютъ, каждый извѣстнымъ образомъ и въ извѣстной степени, основной эволюціи человѣчества, а эта поистинѣ капитальная и новѣйшая концепція (концепція эволюціи человѣчества) должна сдѣлаться главною рациональною основою позитивной морали“ ²⁾. Всѣ нравственныя правила, хотя бы они касались индивидуальной жизни, нужно относить не къ человѣку, а къ человѣчеству (*tout doit être sans cesse rapporté, non à l'homme, mais à l'humanité*) ³⁾. должны быть разсматриваемы не иначе, какъ

¹⁾ *Catéchisme positiviste*, 2 ed., p. 56; *Cours de philosophie positive*, 2 ed., t. VI, p. 760: *le principal résultat... consiste dans la convergence spontanée de toutes les conceptions modernes vers la grande notion de l'humanité*.

²⁾ *Cours de philosophie positive*, IV, p. 293—294.

³⁾ *Cours de philosophie positive*, VI, 743.

sub specie humanitatis. Наконецъ, „около этого vrai Grand-Être, непосредственнаго виновника всякаго существованія, индивидуальнаго или коллективнаго, сами собою концентрируются наши чувства, какъ и наши мысли и дѣйствія. Единственно идея Человѣчества внушаетъ священную формулу позитивизма: *L'Amour pour principe, l'Ordre pour base, et le Progrès pour but*. Такое Верховное Существо, еще болѣе доступное нашимъ чувствамъ, чѣмъ нашему разумѣнію, вслѣдствіе тожества природы, которое однако не мѣшаетъ ему превосходить всѣхъ своихъ служителей, возбуждаетъ глубокую активность, направленную къ его сохраненію и къ его усовершенствованію“ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ этомъ объектѣ религіи находятъ удовлетвореніе всѣ стороны нашего существованія, любовь, мысль и дѣйствіе, достигающія небывалой гармоніи ²⁾. Всѣ сочиненія Конта представляютъ изъ себя сплошной гимнъ въ честь Человѣчества. Истинною точкою зрѣнія на человѣческую жизнь онъ считаетъ не исключительно индивидуальную, но преимущественно социальную, ибо—съ совершенною опредѣленностью высказываетъ Контъ свой знаменитый парадоксъ—человѣкъ, собственно говоря, есть въ сущности чистая абстракція; реально существуетъ лишь человѣчество, особенно въ отношеніяхъ интеллектуальномъ и моральномъ (*l'homme proprement dit n'est, au fond, qu'une pure abstraction; il n'y a de réel que l'humanité, surtout dans l'ordre intellectuel et moral*) ³⁾. Основное предположеніе позитивной философіи—единство человѣческаго рода и непрерывность исторической эволюціи. Человѣчество есть единый организмъ; его развитіе—развитіе одного народа, или индивидуума. Параллель между развитіемъ индивидуума и развитіемъ человѣчества—полная. Отсюда слѣдуетъ самая рѣшительная солидарность человѣческаго рода,—и Контъ особенною заслугою позитивной философіи, отличающею ее выгодно отъ теологическаго и метафизическаго міровоззрѣній, считаетъ то, что она воспитываетъ чувство солидарности (*le sentiment de la solidarité*). „Общее преобладаніе

¹⁾ *Catéchisme positiviste*, p. 57.

²⁾ *Ibid.* 59.

³⁾ *Cours de philosophie positive*, VI, 59; *Système de politique positive*, I, p. 334: *l'homme, proprement dit, n'existe que dans le cerveau trop abstrait de nos métaphysiciens. Il n'y a, au fond, de réel que l'humanité.*

въ социальна-научныхъ занятіяхъ историческаго метода, въ строгомъ смыслѣ этого слова, имѣетъ то счастливое свойство, что онъ самъ по себѣ развиваетъ социальное чувство, поскольку онъ выставляетъ въ полномъ свѣтѣ то неизбѣжное, столь же прямое, сколь и непрерывное, сцѣпленіе различныхъ событій человѣческой жизни, которое нынѣ внушаетъ намъ непосредственный интересъ къ самымъ отдаленнымъ изъ нихъ, такъ какъ онъ напоминаетъ намъ о томъ реальномъ вліяніи, какое эти событія оказали на своевременное наступленіе нашей собственной цивилизаціи. По прекрасному замѣчанію Кондорсе, ни одинъ просвѣщенный человѣкъ не могъ бы нынѣ подумать, на примѣръ, о сраженіяхъ Марафонскомъ и Саламинскомъ, не представляя тотчасъ же ихъ важныхъ послѣдствій для современной судьбы человѣчества“ ¹⁾. Когда истинное воспитаніе ознакомитъ надлежащимъ образомъ современные умы съ тѣми понятіями солидарности и непрерывности, которыя внушаются позитивнымъ разсмотрѣніемъ социальной эволюціи, тогда глубоко почувствуютъ внутреннее нравственное превосходство философіи, которая связываетъ cadaquo изъ насъ съ цѣлымъ существованіемъ человѣчества, представляемаго въ совокупности времени и пространства ²⁾. Особымъ преимуществомъ Человѣчества, какъ объекта религіи, Контъ считаетъ то, что оно не неподвижно, какъ Абсолютное Существо, но его относительная природа дѣлаетъ его въ высшей степени способнымъ къ развитію: однимъ словомъ, это самое живое изъ всѣхъ извѣстныхъ существъ. Оно не измѣняетъ своихъ рѣшеній по капризу, оно развивается по непреложнымъ законамъ ³⁾. Но этимъ-то и обуславливается чувство отвѣтственности, которая ложится на насъ по отношенію къ Человѣчеству. Объ абсолютной неизмѣнности не можетъ быть рѣчи, такъ какъ „наиболѣе сложныя явленія суть и наиболѣе измѣняемыя“ (les phénomènes les plus complexes sont aussi les plus modifiables), но измѣненіе это совершается съ планомѣрностью, порождаящею въ насъ чувство отвѣтственности. „Только съ ограниченной индивидуалистической точки зрѣ-

1) Cours de philosophie positive, IV, 326.

2) Cours de philosophie positive VI, 743.

3) Système de politique positive, I, 335.

нія жизнь представляется незавершенною и непримиренною: болѣе глубокому взору исторія человѣчества раскрываетъ повсюду персть Немезиды—неумолимо властвующаго закона природы. Возмездіе въ томъ мірѣ—химера юнаго человѣчества, глазъ котораго недостаточно опытенъ для того, чтобы въ водоротѣ міровой исторіи познать связь между причиною и слѣдствіемъ; что же касается солидарности человѣческой жизни, то здѣсь предъ нами научно доказуемая истина, которая однако въ настоящее время еще слишкомъ мало привычна, слишкомъ еще прикрыта индивидуалистическими соображеніями для того, чтобы она могла оказать то влияние на мышленіе и дѣйствіе людей, на которое она вполне способна. Она является источникомъ новаго, несравненно болѣе напряженнаго чувства отвѣтственности; чѣмъ болѣе мы сознаемъ, что въ наиболѣе тяжелыхъ нашихъ страданіяхъ повинны мы сами, чѣмъ горьше мы ощущаемъ то, что мы сами должны претерпѣть благодаря глупости, злости нашихъ отцовъ и нашихъ современниковъ, тѣмъ грознѣе поднимается голосъ человѣчества противъ нашихъ собственныхъ заблужденій и упущеній. Если всякое дѣйствіе отдѣльнаго человѣка находитъ себѣ откликъ въ цѣломъ родѣ, то къ нему относится евангельское слово: то, что вы дѣлаете самому малому изъ моихъ братьевъ, то вы сдѣлали мнѣ“ (Іудль). Здѣсь же имѣютъ свой корень и мотивы къ дѣятельному участию въ судьбѣ человѣчества. Человѣчество—это, по словамъ Конта, совокупность (*l'ensemble*) человѣческихъ существъ, прошедшихъ, будущихъ и настоящихъ. Это слово *совокупность* достаточно показываетъ, что подъ человѣчествомъ нельзя разумѣть всѣхъ людей, но лишь тѣхъ однихъ, которые реально слились съ Человѣчествомъ истиннымъ содѣйствіемъ общему существованію. Хотя всѣ по рожденію суть необходимо дѣти Человѣчества, однако не всѣ оказываются его служителями, такъ какъ многіе остаются на всю жизнь въ томъ паразитарномъ состояніи, которое извинительно только во время дѣтскаго періода. Въмѣсто этихъ жалкихъ ищадій къ новому Верховному Существу приобщаются его достойные помощники изъ міра животныхъ. Полезныя животныя, лошади, собаки, быки и пр. болѣе заслуживаютъ уваженія, чѣмъ нѣкоторые люди. Эта религія поддерживаетъ постоянно благодарную память въ насъ по отношенію къ нашимъ ото-

шедшимъ предкамъ, самымъ отдаленнымъ. Послѣдовательная непрерывность важнѣе настоящей солидарности. Живые всегда, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, неизбѣжно направляются мертвецами: таковъ основной законъ человѣческаго порядка (*les vivants sont toujours, et de plus en plus, gouvernés nécessairement par les morts: telle est la loi fondamentale de l'ordre humain*). Въ каждомъ реальномъ событіи болѣе участія принимаютъ мертвые, чѣмъ живые. Каждый истинный служитель человечества, послѣ своей смерти, продолжаетъ жить невидимо въ сердцѣ и умѣ своихъ потомковъ. Это есть то безсмертіе, которое единственно доступно человѣку. И мы, религіозно связанные съ умершими, въ свою очередь передаемъ своимъ потомкамъ полученное нами наслѣдство, приумноженное нашими трудами. Какъ бы то ни было, Человѣчество дѣйствительно нуждается въ нашемъ содѣйствіи. Хотя совокупное Человѣчество всегда является главнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ дѣяній, физическихъ, интеллектуальныхъ или моральныхъ, тѣмъ не менѣе Высшее Существо можетъ дѣйствовать лишь посредствомъ индивидуальных органовъ. Это даетъ просторъ нашимъ личнымъ усиліямъ, и придаетъ каждой дѣятельной личности достоинство въ глазахъ Верховнаго Существа, которое нуждается не въ нашихъ словесныхъ хвалахъ, а въ нашемъ активномъ содѣйствіи. Развитие и даже сохраненіе Высшаго Существа зависитъ отъ свободныхъ услугъ его разнообразныхъ дѣтей ¹⁾..

Эта основная идея религіи Человѣчества (*la religion de l'humanité*) облекается у Конта въ сложную систему культа, догмы и режима. Говоря словами Милля, здѣсь „мы приближаемся къ смѣшной сторонѣ предмета“ и встрѣчаемъ „нѣкоторыя вещи, крайне смѣшныя“. Намъ нѣтъ нужды излагать эти детали, которыя не связаны съ существомъ основной идеи. Но необходимо указать на одинъ пунктъ въ этомъ проектѣ реорганизованнаго общества, въ этомъ планѣ идеальнаго государства—на учрежденіе духовной власти (*le pouvoir spirituel*) наряду съ свѣтскою властью (*le pouvoir temporel*). Это не случайная мысль въ религіозной системѣ Конта. Съ одной стороны, онъ ясно сознаетъ связь этого учрежденія съ основнымъ воззрѣніемъ на Верховное Суще-

1) *Catéchisme positiviste*, p. 66 71.

ство ¹⁾; съ другой стороны самую религію Контъ понимаетъ въ смыслѣ всеобщаго единства. Онъ опредѣляетъ религію, какъ „состояніе полнаго единства, отличающаго наше существованіе,—единства, одновременно личнаго и социальнаго, когда всѣ его части, какъ моральныя, такъ и физическія, сходятся привычно въ общемъ назначеніи. Такимъ образомъ этотъ терминъ былъ бы равносильнъ слову *синтезъ*, если бы послѣднее, не по собственному филологическому составу, а по всеобщему употребленію, не ограничивалось нынѣ одною интеллектуальною областью, тогда какъ тотъ терминъ обнимаетъ совокупность человѣческихъ свойствъ. Поэтому религія состоитъ въ томъ, чтобы *управлять* каждою индивидуальною жизнью и *соединять* всѣ индивидуальности: это только два разныхъ проявленія одной и той же проблемы. При невозможности полной реализаціи такой гармоніи, индивидуальной или коллективной, въ существованіи столь сложномъ, какъ наше, это опредѣленіе религіи характеризуетъ тотъ неподвижный типъ, къ которому все болѣе и болѣе стремится совокупность человѣческихъ усилій“ ²⁾. Умъ крайне систематическій, Контъ былъ немѣрно склоненъ къ установленію „единства“. Вся его теоретическая позитивная философія есть систематизація всѣхъ человѣческихъ знаній съ точки зрѣнія высшей и центральной идеи эволюционирующаго Человѣчества. Установленіе единства въ мысляхъ и жизни—послѣдняя цѣль его практической философіи, которая увѣнчивается его религіей. Это единство реально

¹⁾ Вотъ одно изъ относящихся сюда многочисленныхъ мѣстъ (*Système de politique positive*, t. I, p. 334—335): въ *l'Être-Suprême* Контъ различаетъ deux ordres de fonctions fondamentales, les unes d'activité, les autres de liaison. En effet, il n'y a là de directement actif que les parties séparables; mais l'efficacité de leurs opérations dépend de leur concours, spontané ou concerté. Un tel organisme suppose donc à la fois des fonctions extérieures, essentiellement relatives à son existence matérielle, et des fonctions intérieures, spécialement destinées à combiner ses éléments mobiles... C'est là qu'il faut saisir la vraie source systématique de la séparation normale de deux pouvoirs sociaux. Le pouvoir temporel, seul directeur, émane de la personnalité, et développe l'activité, d'où résulte l'ordre fondamental: tandis que le pouvoir spirituel, purement modérateur, représente immédiatement la sociabilité, et institue le concours, qui détermine le progrès. Ainsi, dans la conception du Grand-Être, le premier correspond à l'appareil nutritif et le second à l'appareil nerveux de l'organisme individuel.

²⁾ *Catéchisme positiviste*, p. 42.

осуществляется духовною властью. Мы не будемъ детально описывать функціи этой власти словами Конта, мы ограничимся мѣткими критическими замѣчаніями по этому вопросу Д. С. Милля. Контъ настаиваетъ на необходимости особаго дѣятеля, который во всѣхъ классахъ людей въ теченіе цѣлой жизни поддерживалъ бы сознаніе главныхъ требованій общаго интереса и ясныя понятія о томъ, какой образъ дѣятельности человѣка благопріятствуетъ этому интересу и какой нарушаетъ его. Контъ хочетъ создать авторитетъ въ умственной и нравственной сферѣ съ цѣлью руководить мнѣніями людей, просвѣщать и охранять ихъ совѣсть: онъ требуетъ существованія особой духовной власти, сужденія которой по всѣмъ предметамъ высшей важности заслуживали бы и пользовались такимъ же точно почтеніемъ и уваженіемъ, съ какимъ относятся напримѣръ къ общему мнѣнію астрономовъ касательно предметовъ ихъ спеціальности. Свобода и самопроизвольность со стороны индивидуумовъ не находятъ мѣста въ системѣ Конта. Онъ смотритъ на нихъ съ такимъ же недоувѣріемъ, какъ школьный педагогъ или церковный проповѣдникъ. Всякая мелочь въ общественномъ или частномъ поведеніи человѣка должна быть на глазахъ у всѣхъ и силою общаго мнѣнія удерживаться въ томъ направленіи, какое духовной властью будетъ признано самымъ вѣрнымъ. Насколько доктрина о свободѣ совѣсти имѣетъ то значеніе, что мнѣнія и выраженія ихъ должны быть изъяты отъ всякаго *легальнаго* принужденія, Контъ—непоколебимый приверженецъ ея, но что касается *моральнаго* права каждаго человѣка, какъ бы дурно ни былъ онъ подготовленъ необходимымъ образованіемъ и дисциплиной ставить самого себя судьей въ высшей степени запутанныхъ и важныхъ вопросовъ, какими только въ состояніи заниматься умъ человѣческій, то онъ рѣшительно отрицаетъ его. Нѣтъ. говоритъ онъ въ одномъ изъ раннихъ произведеній, свободы совѣсти въ дѣлѣ астрономіи, физики, химіи и даже фізіологіи, такъ какъ всякій счелъ бы безразсуднымъ не принимать на вѣру принципы, установленные въ этихъ наукахъ людьми компетентными. Если же въ политикѣ замѣчается другое, то это единственно на томъ основаніи, что въ ней въ теченіе нѣкотораго времени не существуетъ собственно какихъ-либо установившихся мнѣній. На первыхъ порахъ, когда че-

ловѣчество только-что поднялось выше старыхъ теорій, воззваніе учителей и проповѣдниковъ къ массѣ, стоявшей внѣ этого движенія, было необходимо и неизбѣжно, потому что, не пользуясь изслѣдованіемъ и критика терпимостью и одобреніемъ со всѣхъ сторонъ, ни для одного ученія не было бы возможности развиться. Но само въ себѣ обыкновеніе обращаться съ вопросами, требующими, сравнительно со всѣми другими, болѣе спеціальныхъ знаній и подготовки, къ некомпетентному трибуналу общественнаго мнѣнія, не рационально въ самомъ корнѣ и должно прекратиться, лишь только человѣчество разъ примирилось съ системой новаго ученія. Контъ думаетъ, что продленіе этого временнаго состоянія, сказывающагося все болѣе и болѣе возрастающей разрозненностью мнѣній, угрожаетъ уже крайнею опасностью, потому что только при существованіи нѣкотораго согласія относительно основныхъ правилъ жизни можетъ быть установленъ дѣйствительно - нравственный контроль надъ частнымъ интересомъ и страстями личностей. По мнѣнію Конта, особенная сложность и запутанность социологическихъ изслѣдованій, большой запасъ предварительныхъ знаній и высокая степень умственнаго такта, какиихъ требуютъ эти изслѣдованія,—все это вмѣстѣ съ серьезностью послѣдствій, могущихъ произойти отъ временныхъ заблужденій касательно такихъ предметовъ, дѣлаетъ неизбѣжнымъ для этики и политики болѣе, чѣмъ для математики и физики, то обстоятельство, чтобы—какова бы тамъ ни была легальная свобода изслѣдованія и критики—только крайне незначительное число умовъ высшаго разряда, шедшихъ къ своей задачѣ путемъ всесторонней и трудной подготовки, дѣйствительно устанавливало мнѣнія человѣчества относительно означенныхъ предметовъ. Въ силу тѣхъ же соображеній сомнѣніе въ ихъ заключеніяхъ со стороны людей, не обладающихъ такою же степенью умственныхъ способностей и образованія, должно считаться дерзкимъ и болѣе предосудительнымъ, нежели попытки опровергнуть ньютонovu астрономію, какія случайно дѣлаются людьми полуучеными..

Въ немногихъ словахъ Милль безповоротно изобличаетъ всю несостоятельность этого проекта. Для того, чтобы лучшіе мыслители дѣйствительно могли оказывать такое благотѣльное вліяніе на общепринятое мнѣніе, нѣтъ надобности

въ особой ассоціаціи и организаціи. Это вліяніе придетъ само собою, лишь только установится единодушіе, безъ котораго оно не представляется ни желательнымъ, ни возможнымъ. Если астрономы пользуются довѣренностью, то это, конечно, потому, что они согласны въ своихъ ученіяхъ, а ничуть не въ силу того, что существуетъ какая-нибудь Академія Наукъ, которая даетъ опредѣленія и постановляетъ рѣшенія. Организованной моральной власти можно требовать единственно въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ не просто только о проведеніи и распространеніи тѣхъ или другихъ началъ дѣятельности, но и о направленіи малѣйшихъ подробностей ихъ примѣненія, когда хотять провозглашать и внушать не обязанности нравственныя вообще, а долгъ того или другого лица, какъ это пыталась сдѣлать духовная власть въ средніе вѣка. Контъ не устраняетъ этого крайняго вывода изъ его начала. Должность подобнаго рода, безъ сомнѣнія, часто съ большею пользою можетъ быть отправляема отдѣльными членами философствующаго класса людей, но, довѣренная какому-либо организованному обществу или сословію, она не заключала бы въ себѣ ничего, кромѣ духовнаго деспотизма.

Фейербахъ, какъ мы видѣли, исходнымъ началомъ своей религіозной философіи взялъ, подѣ вліяніемъ протестантства, евангельское христіанство — въ отвлеченно-философскомъ пониманіи. Контъ, въ отличіе отъ Фейербаха, стоялъ подѣ несомнѣннымъ вліяніемъ католичества, въ которомъ былъ воспитанъ. Онъ рѣзко порицалъ въ христіанствѣ его индивидуалистическія тенденціи, но всегда пристрастно относился къ церковному строю средневѣковаго католичества. *Le catholicisme moins le christianisme*, католичество безъ христіанства: вотъ какъ называлъ французъ религію Человѣчества Конта ¹⁾. И этого отзыва нельзя не назвать „необыкновенно мѣткимъ“.

Однако этотъ отзывъ, какъ и приведенное мнѣніе Милля, характеризуетъ собственно предначертанную Контомъ *форму* религіи Человѣчества, которую наиболѣе видные ученики Конта и сторонники его позитивизма считаютъ не выдерживающею самой снисходительной критики съ точки зрѣ-

1) См. въ *Исторіи этики* Гюлля.

нія позитивизма. Но основная идея религіи Конта имѣеть свои корни въ самой глубинѣ его научно-этическихъ воззрѣній, въ которыхъ онъ нерѣдко напоминаетъ Фейербаха.

Такъ, прежде всего, Контъ близко подходитъ къ Фейербаху въ органическомъ обоснованіи нравственности и въ признаніи семейно-общественныхъ устоевъ ея.

Нужно отмѣтить, что популярныя представленія объ этическомъ позитивизмѣ Конта, разсѣяныя во всякихъ учебникахъ, далеко не схватываютъ наиболѣе характерныхъ сторонъ его.

Болѣе всего извѣстенъ методологическій принципъ позитивизма. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ самъ Контъ уже въ первой лекціи *Курса положительной философіи*. „Изучая весь ходъ развитія человѣческаго ума въ различныхъ сферахъ его дѣятельности, отъ его перваго простѣйшаго проявленія до нашихъ дней, я открылъ главный основной законъ, которому это развитіе подчинено безусловно и который можетъ быть твердо установленъ или путемъ рациональныхъ доказательствъ, доставляемыхъ знакомствомъ съ нашимъ организмомъ, или съ помощью историческихъ данныхъ, извлекаемыхъ при внимательномъ изученіи прошлаго. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что каждая изъ нашихъ главныхъ идей, каждая изъ отраслей нашего знанія проходитъ послѣдовательно три различныхъ теоретическихъ состоянія: состояніе теологическое или фиктивное; состояніе метафизическое или абстрактное; состояніе научное или положительное. Другими словами, человѣчскій духъ по самой своей природѣ въ каждомъ изъ своихъ изслѣдованій пользуется послѣдовательно тремя методами мышленія, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными другъ другу: сначала теологическимъ методомъ, затѣмъ метафизическимъ и наконецъ положительнымъ методомъ. Отсюда и возникаютъ три взаимно исключаютеліе другъ друга вида философіи, или три общія системы воззрѣній на совокупность явленій. Въ теологическомъ состояніи человѣчскій духъ, направляя свои изслѣдованія главнымъ образомъ на внутреннюю природу вещей, первыя и конечныя причины поражающихъ его явленій, стремясь однимъ словомъ, къ абсолютному познанію, воображаетъ, что явленія производятся прямымъ и постояннымъ воздѣй-

ствіемъ болѣе или менѣе многочисленныхъ сверхъестественныхъ факторовъ, произвольное вмѣшательство которыхъ объясняетъ всѣ кажущіяся аномаліи міра. Въ метафизическомъ состояніи, которое на самомъ дѣлѣ представляетъ собою только общее видоизмѣненіе теологическаго, сверхъестественные факторы замѣнены абстрактными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракціями), неразрывно связанными съ различными вещами, и могущими сами собою производить всѣ наблюдаемыя явленія, объясненіе которыхъ состоитъ въ такомъ случаѣ только въ подысканіи соотвѣтствующей сущности. Наконецъ въ положительномъ состояніи человѣческой духъ познаетъ невозможность достиженія абсолютныхъ знаній, отказывается отъ изслѣдованія происхожденія и назначенія существующаго міра и отъ познанія внутреннихъ причинъ явленій, и стремится, правильно комбинируя разсужденіе и наблюденіе, къ познанію дѣйствительныхъ законовъ явленій, т. е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и подобія. Объясненіе явленій, приведенное къ его дѣйствительнымъ предѣламъ, есть отнынѣ только установленіе связей между различными отдѣльными явленіями и нѣсколькими общими фактами, число которыхъ уменьшается все болѣе и болѣе по мѣрѣ прогресса науки. Основная характеристическая черта положительной философіи состоитъ въ признаніи всѣхъ явленій подчиненными неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, открытіе и низведеніе числа которыхъ до минимума и составляетъ цѣль всѣхъ нашихъ усилій, хотя мы и признаемъ абсолютно недоступнымъ и бессмысленнымъ исканіе первыхъ или послѣднихъ причинъ¹⁾. Этотъ гносеологическій тезисъ позитивизма имѣетъ важныя послѣдствія для этики, поскольку онъ дѣлаетъ невозможнымъ ея интуитивное построеніе. Относительность нашего знанія, какъ въ томъ смыслѣ, что оно ограничивается лишь областью явленій, такъ и въ томъ смыслѣ, что родъ человѣческой и каждый индивидуумъ въ умственномъ отношеніи подлежитъ постоянному измѣненію, относительность эта заставляетъ признать также относительность моральныхъ воззрѣній и правилъ. Въ связи съ этимъ, конечно, стоитъ ограниченіе цѣлей жизни предѣлами земли,

1) Cours de philosophie positive, t. 1, p. 8. 9. 16.—рус. пер. т. 1, стр. 3. 4. 8.

концентрація всѣхъ усилій человѣческихъ на реальной жизни (*la concentration finale des efforts humains sur la vie réelle*), при чемъ моральныя правила являются однимъ изъ средствъ достиженія этихъ цѣлей ¹⁾.

Однако при характеристикѣ позитивной этики Конта нельзя ограничиться однимъ этимъ методологическимъ принципомъ, нельзя изъ этого гносеологическаго тезиса дедуктивно строить все содержаніе позитивной морали, которая въ такомъ случаѣ была бы крайне безсодержательнымъ и грубымъ эвдемонизмомъ. Нужно имѣть въ виду второй тезисъ позитивной этики, что правила человѣческой жизни выводятся изъ законовъ, которыми управляется индивидуальная и общественная жизнь. Нужно помнить взглядъ Конта вообще на отношеніе практическихъ знаній къ теоретическимъ, искусствъ къ наукамъ. Вотъ что мы читаемъ по этому вопросу во второй лекціи *Курса положительной философіи*. „Разсматривая всю совокупность занятій человѣчества, слѣдуетъ признать, что изученіе природы какъ-бы предназначено послужить истинной разумной основой воздѣйствія челоуѣка на природу, ибо познаніе управляющихъ явленіями законовъ, которое позволяетъ намъ постоянно предвидѣть самыя явленія, одно только можетъ дать намъ возможность въ нашей дѣятельности съ пользою для насъ видоизмѣнять одни явленія при помощи другихъ. Наши естественныя и прямыя средства вліять на окружающія насъ тѣла совершенно не соразмѣрны съ нашими потребностями. Каждый разъ, когда мы совершаемъ какое-нибудь сильное воздѣйствіе, это удается только благодаря тому, что наше знаніе законовъ природы позволяетъ намъ ввести въ число опредѣленныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходятъ явленія, нѣсколько новыхъ элементовъ, въ извѣстныхъ случаяхъ оказывающихся, несмотря на всю свою незначительность, достаточно сильными, чтобы измѣнить въ нашу пользу окончательный результатъ дѣйствія всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ внѣшнихъ причинъ. Однимъ словомъ *на науки основано предвидѣніе, на предвидѣніи дѣйствіе*. Въ такой очень простой формулѣ точно выражается отношеніе науки къ искусству, если принимать эти два слова въ ихъ полномъ значеніи“ ²⁾. Контъ

1) Cours de philosophie positive, t. VI, 739—740.

2) Cours de philosophie positive, I, 50—51, p. пер. 27.

къ этой формулѣ присоединяетъ важныя оговорки. Онъ представляетъ на видъ, что грубое пониманіе практическаго значенія науки вело бы къ ограниченію научныхъ занятій имѣющими немедленное практическое примѣненіе изслѣдованіями, что остановило бы умственный прогрессъ даже по отношенію къ тѣмъ практическимъ примѣненіямъ, ради которыхъ такъ неразумно пожертвовали бы чисто теоретическими работами, ибо самыя важныя приложенія постоянно вытекаютъ изъ теорій, созданныхъ съ чисто-научными цѣлями и существовавшихъ иногда по цѣлымъ вѣкамъ безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе указанная формула остается для Конта неизмѣнною и онъ къ ней не разъ возвращается. Такъ въ частности и этику онъ считаетъ *искусствомъ*, правила которой выводятся изъ законовъ науки. Наукою, устанавливающею законы, изъ которыхъ вытекаютъ нравственные правила, Контъ считаетъ социологію. Но нужно имѣть въ виду предложенную Контомъ классификацію наукъ. Употребляя слово—*философія* въ смыслѣ „общей системы человѣческихъ понятій“, Контъ всю положительную философію раздѣляетъ на шесть наукъ: математика, астрономія, физика, химія, физиологія (біологія) и социальная физика (социологія). Принципъ этой энциклопедической системы,—предполагая, что она обнимаетъ исчерпывающимъ образомъ всѣ явленія, доступныя нашему наблюденію и познанію,—тотъ, что каждая послѣдующая наука имѣетъ дѣло съ болѣе сложными явленіями, которыя подчинены всѣмъ законамъ, устанавливаемымъ предшествующими науками, но не вліяютъ обратно. Такимъ образомъ астрономія изучаетъ явленія самыя общія, самыя простыя, самыя отвлеченныя и наиболѣе удаленныя отъ человѣчества, которыя вліяютъ на всѣ другія, не подвергаясь вліянію послѣднихъ. Наоборотъ въ социальной физикѣ разсматриваются явленія наиболѣе частныя, наиболѣе сложныя, наиболѣе конкретныя и наиболѣе затрагивающія прямыя интересы человѣчества: эти явленія болѣе или менѣе зависятъ отъ всѣхъ предыдущихъ, не оказывая въ свою очередь на нихъ никакого вліянія. Социологія, имѣя дѣло съ великимъ понятіемъ человѣчества, обнимающимъ совокупность человѣческихъ концепцій, является главнѣйшей наукой (*principale science*), обнимаетъ всѣ прочія науки. И говоря, что этика покоится на социологіи, подобно какъ

техника основывается на математическихъ наукахъ и медицина на біологіи, мы этимъ самымъ говоримъ, что этика основывается на совокупности всѣхъ позитивныхъ наукъ, что она есть самое главное примѣненіе всей позитивной философіи. Ближайшее основаніе этики то же, что и для каждаго искусства: научное предвидѣніе, которое дается всей позитивной философіей и, въ послѣднемъ счетѣ, соціологіей,—и именно предвидѣніе того вліянія, какое оказываютъ наши дѣйствія и наши склонности на человѣческую жизнь, какъ частную, такъ и общественную ¹⁾.

Этотъ второй тезисъ позитивной морали уже менѣе, чѣмъ первый, отмѣчается въ популярныхъ изложеніяхъ позитивизма. Однако достойна серьезнаго вниманія третья черта позитивной философіи, которая совершенно не указывается въ этихъ изложеніяхъ. Помимо указанныхъ своихъ сторонъ, позитивная философія характеризуется тѣмъ, что она, въ противоположность всякому революціонному, отрицательному и разрушительному направленію философской и политической мысли, есть философія консервативно-созидательная. Вооружаясь противъ теологическаго и метафизическаго міровоззрѣнія и противопоставляя имъ позитивное міровоззрѣніе, Контъ не идетъ противъ той цѣли, какую ставили себѣ теологическая и метафизическая философія—достигнуть строгаго единства умовъ и управлять міромъ, онъ сохраняетъ старый принципъ, что идеи управляютъ міромъ (*les idées gouvernent et bouleversent le monde, ou, en d'autres termes, tout le mécanisme social repose finalement sur des opinions*) ²⁾, онъ лишь хочетъ обосновать эти цѣли на естественно-научномъ фундаментѣ, соединить единство съ прогрессомъ. Истекающее изъ любви къ человѣчеству стремленіе нравственно воспитать и реорганизовать общество служить единственнымъ мотивомъ его философско-научной дѣятельности, такъ какъ всѣ свои морально-политическія улованія

¹⁾ Cours de philosophie positive, VI, 737: les règles morales... pourront ainsi reposer convenablement sur une irrécusable appréciation de l'influence réelle, directe ou indirecte, spéciale ou générale, que l'existence humaine, soit privée, soit publique, doit habituellement recevoir de nos actes et de nos tendances quelconques, successivement jugés d'après l'ensemble des lois de notre nature, à la fois individuelle et sociale.

²⁾ Cours de philosophie positive, I, 40—41, рус. пер. 21.

онъ возлагаетъ на позитивную философію. „Основное свойство науки, названной мною положительной философіей, которое, по своему громадному практическому значенію, должно болѣе всего привлечь къ ней всеобщее вниманіе, состоитъ въ томъ, что положительную философію можно считать единственной прочной основой общественнаго преобразованія, имѣющаго положить конецъ тому критическому состоянію, въ которомъ такъ давно уже находятся наиболѣе цивилизованные народы“¹⁾. Отсюда священная формула позитивизма: *l'amour pour principe, l'ordre pour base, et le progrès pour but*. Съ этой стороны Контъ стоитъ въ генетическомъ родствѣ съ той идеологической философской школой, которая развилась во Франціи послѣ революціи и къ которой принадлежатъ Кабанисъ, Кондорсе, Вольней, Сень-Симонъ: это, послѣ католицизма, вторая школа, въ которой воспитался Контъ, хотя онъ впоследствии и отрекался отъ Сень-Симона, которому особенно много былъ обязанъ²⁾. Насколько

¹⁾ Ibid.

²⁾ См. Fr. Picavet *Les idéologues* (Paris 1891) и A. Schaefer *Die Moralphilosophie Auguste Comte's* (Basel 1906)—Einleitung. О зависимости Конта отъ Сень-Симона см. также у П. Барта *Философія исторіи какъ соціологія*. Ретроградное значеніе позитивизма остроумно разъясняется въ книгѣ Е. Спекторскаго *Очерки по философіи общественныхъ наукъ* вып. 1 (Варшава 1907). Пропагандировавшійся Контъ уже съ 1819 года, позитивизмъ былъ провозглашенъ во всѣхъ его подробностяхъ въ 1822 году, въ „Планѣ научныхъ работъ, необходимыхъ для преобразованія общества“. И вотъ, какъ показываетъ уже заглавіе, главная цѣль, которая при этомъ преслѣдовалась, носила не столько научный, познавательный, сколько практической, общественный характеръ. Позитивизмъ, согласно этому плану, долженъ былъ быть не столько координаціею фактовъ, сколько средствомъ для прекращенія „анархіи умовъ“, той „глубокой нравственной и политической анархіи, которая, повидимому, угрожаетъ обществу близкимъ и неизбежнымъ разложеньемъ“. Въ качествѣ такого средства позитивизмъ означалъ „органическую доктрину, которая заставила бы королей покинуть ретроградное направленіе, а народы—направленіе критическое“, которая создала бы новое „моральное правительство“, призванное въ качествѣ „истинной компактной и активной коалиціи“. Повидимому, конкурировать не съ кѣмъ инымъ какъ съ тогдашнимъ священнымъ союзомъ монарховъ. Такимъ образомъ позитивизмъ призывался и къ познанію объективной истины, и къ соціальному преобразованію, и къ успокоенію взволнованной мысли и чувства. Иначе говоря, онъ означалъ не только новую науку, но еще новую социальную программу и (уже тогда) даже новую религію... Во Франціи слово позитивизмъ было произнесено впервые по поводу великой революціи тѣми

Контъ самъ ясно сознавалъ свои созидательныя тенденціи, показываютъ слѣдующія его слова въ предисловіи къ *Caté-*

публицистами, которые или разочаровались въ ней, или сразу стали въ оппозицію къ ней, или же созерцали и оцѣнивали ее сбоку, издалека, изъ чужбины, въ качествѣ эмигрантовъ. Бональдъ противопоставлялъ „негативному обществу“—„общество позитивное“, основанное на „позитивныхъ идеяхъ“; и для осуществленія такого общества онъ считалъ необходимою „единую философію“, которая была бы способна вытѣснить множество спорящихъ другъ съ другомъ философіи и такимъ образомъ связать людей общностью теоретическаго исповѣданія. Барантъ, Сент-Симонъ, уже до Конта, называли „критическимъ“ то, что Бональдъ называлъ „негативнымъ“. Единственный выходъ изъ „критической эпохи человѣческаго духа“ Барантъ, какъ и Бональдъ, видѣлъ въ успокоеніи умовъ новымъ міровоззрѣніемъ. Словомъ, какъ надѣялась и госпожа Сталь въ своемъ проектѣ прекращенія революціи, если „философы сдѣлали революцію, то они же ее прекратятъ“ путемъ влиянія на умы доктриною, способною ихъ успокоить, доктриною, которая, въ отличіе отъ прежнихъ „негативныхъ“ ученій, должна носить „позитивный“ характеръ или, какъ болѣе опредѣленно выражался мечтавшій о томъ же Ж. де Местръ, должна означать побѣду „христіаннама“ надъ „философізмомъ“. Такимъ образомъ позитивизмъ есть явленіе гораздо болѣе широкое и значительное, чѣмъ принято полагать, явленіе не исключительно „теоретико-познавательное“, а общественное. Благодаря недостаточному вниманію къ этому обстоятельству, хотя о немъ писали счесть много, быть можетъ, даже гораздо больше, чѣмъ это дѣйствительно требуется сущностью дѣла, онъ далеко не выясненъ во всемъ своемъ значеніи, какъ историческомъ, такъ и принципиальномъ. И этимъ объясняется множество связанныхъ съ нимъ недоразумѣній. Главныя два недоразумѣнія состоятъ въ томъ, что въ немъ чрезвычайно часто видятъ исключительно научно-философскую теорію, и въ томъ, что утверждаютъ, будто онъ въ приложеніи къ общежитію замѣняетъ низшія ступени теоретичности высшею и даже наивысшею. Между тѣмъ въ позитивизмѣ очень важную, если не господствующую, роль играли внѣнаучныя, быть можетъ даже противонаучныя, моменты соціально-религіознаго характера. И благодаря этому сторонникамъ позитивизма, какъ будто бы исключительно научной теоріи, приходится такъ странно и двойственно относиться къ Конту: съ одной стороны его всячески прославляютъ какъ апостола настоящей, единственно возможной науки, какъ вдохновителя всей теоретической философіи XIX вѣка; съ другой же стороны тѣ же самые люди объявляютъ, что Контъ сошелъ съ ума и писалъ всякій вздоръ, и поэтому снимаютъ необходимымъ на половину по крайней мѣрѣ отречься отъ него. Какъ бы однако ни были непріятны и несимпатичны многимъ поклонникамъ позитивизма тѣ внѣнаучныя элементы, которые съ нимъ связаны едва ли только случайно или же патологически, эти элементы всетаки остаются на лицѣ. И игнорировать или отвергать ихъ, сохраняя однако позитивизмъ, еще далеко не значитъ дѣйствительно покончить съ ними или же дѣйствительно сохранить позитивизмъ. Самъ Контъ категорически

chisme positiviste. „Въ теченіе тридцати лѣтъ своей философской и общественной карьеры—писалъ онъ здѣсь—я всегда чувствовалъ глубокое презрѣніе къ тому, что называли, при нашихъ разныхъ режимахъ, оппозиціею, и скрытую близость къ какимъ бы то ни было созидателямъ. Даже тѣ, которые хотѣли строить изъ матеріаловъ явно негодныхъ, постоянно казались мнѣ болѣе достойными предпочтенія, чѣмъ чистые разрушители,—въ вѣкъ, когда всеобщее возстановленіе становится всюду главною потребностью. При всей отсталости нашихъ оффиціальныхъ консерваторовъ, наши чистые революціонеры кажутся мнѣ еще болѣе далекими отъ истиннаго духа нашего времени“¹⁾.

Всѣ эти стороны позитивизма нужно имѣть въ виду, что бы понять его нравственное ученіе, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Мы уже сказали, что этика является у Конта примѣненіемъ социологіи. Социологія раздѣляется на статику и динамику, которымъ соотвѣтствуетъ раздѣленіе биологіи на анатомію и физиологію: социологическая статика имѣетъ дѣло съ условіями социологическаго существованія, съ взаимоотношеніемъ элементовъ социальной системы—съ личностью, семьей и обществомъ, а динамика изучаетъ законы непрерывнаго развитія человѣчества. Иначе сказать—первая изучаетъ условія порядка, вторая—законы прогресса. Для этики преимущественное значеніе имѣетъ глава, посвященная социальной статикѣ (50 леконъ въ IV томѣ *Курса позитивной философіи*). Здѣсь-то Контъ ближе всего подходитъ къ Фейербаху. Онъ утверждаетъ, что человѣку свойственна la sociabilité fondamentale, l'irrésistible tendance sociale, что ему прирожденъ

объявилъ, что „позитивизмъ по существу своему слагается изъ философіи и политики, которыя необходимо неразлучны“. Произвольно выбирать изъ этой программы только то, что нравится, это значить разсѣкать живое цѣлое на части и принимать кусокъ мертвечины за все цѣлое и притомъ живое цѣлое... Будучи реакціею противъ революціи и, какъ выразился Контъ, „доктриною, которая всегда стремилась радикально дискредитировать революціонныхъ вождей“, позитивизмъ реагировалъ также и противъ тѣхъ теорій, которыя, какъ казалось позитивистамъ, содѣйствовали революціи, если даже не вызвали ее. Сообразно съ этимъ эта доктрина была реакціонна и въ теоретическомъ отношеніи. (Стр. 189—197). И т. д.

¹⁾ Catechisme positiviste, p. 4.

инстинктъ социальности, альтруизмъ, которымъ прежде всего и объясняется человѣческая нравственность, имѣющая это органическое основаніе. Контъ, разумѣя сенсуалистическую философію XVIII вѣка, считаетъ заблужденіемъ, съ одной стороны, отдавать высшее руководство человѣческой жизнью исключительно разуму (*attribuer aux combinaisons intellectuelles une chimérique prépondérance dans la conduite générale de la vie humaine*), а съ другой стороны—до нелѣпости преувеличивать безусловное вліяніе потребностей на мнимое образованіе нашихъ способностей (*exagérer, au degré le plus absurde, l'influence absolue des besoins sur la prétendue création des facultés*)¹⁾. Это не значитъ, чтобы Контъ отрицалъ значеніе разума въ этической культурѣ,—далеко нѣтъ. Онъ равно признавалъ двѣ основы этой культуры—органическую и интеллектуальную: нравственность возникаетъ изъ чувствъ, но развивается при содѣйствіи нашего разума, вслѣдствіе чего нравственность, элементарно свойственная животнымъ, въ строгомъ смыслѣ составляетъ достояніе человѣка. Именно разумъ убѣждаетъ человѣка, что общественное единство возможно лишь на основѣ альтруизма, а не эгоизма, что этимъ путемъ человѣкъ всего скорѣе можетъ достигнуть своего счастья²⁾. Организациа человѣческая не вполнѣ бла-

1) Cours de philosophie positive, IV, 384—385. Въ *Système de politique positive*, IV, 20 Контъ говоритъ: la doctrine de l'altruisme inné permet seule d'instituer une morale systématique.

2) До какого пагоса можетъ подниматься здѣсь позитивная этика, показываетъ, напр., эта страница изъ *Catéchisme positiviste* (278): Outre que notre harmonie morale repose exclusivement sur l'altruisme, il peut nous procurer aussi la plus grande intensité de vie. (Ср. этику Гюйо). Ces êtres dégradés, qui n'aspirent aujourd'hui qu'à vivre, seraient tentés de renoncer à leur brutal égoïsme s'ils avaient une fois goûté suffisamment... les plaisirs du dévouement. Ils comprendraient alors que vivre pour autrui fournit le seul moyen de développer librement toute l'existence humaine; en l'étendant simultanément au présent le plus vaste, au plus antique passé, et même au plus lointain avenir. Les instincts sympathiques comportent seuls un essor inaltérable, parce que chaque individu s'y trouve secondé par tous les autres, qui compriment, au contraire, ses tendances personnelles. Voilà comment le bonheur coïncidera nécessairement avec le devoir. Sans doute, la belle définition de la vertu... comme un effort sur soi-même en faveur des autres, ne cessera jamais d'être applicable. Notre imparfaite nature aura toujours besoin d'un véritable effort pour subordonner à la sociabilité cette personnalité qu'excitent continuellement nos conditions d'existence. Mais, quand ce triomphe est enfin obtenu, il tend spontanément, outre la puissance

гопріятствуетъ этическому прогрессу, такъ какъ отъ природы въ насъ преобладаетъ, во-первыхъ, эгоизмъ надъ альтруизмомъ и, во-вторыхъ, аффективныя силы надъ интеллектуальными. Однако историческое развитіе должно лишь видоизмѣнить это природное отношеніе альтруизма къ эгоизму и разума къ чувству, должно дать относительное преобладаніе альтруизму надъ эгоизмомъ и разуму надъ чувствомъ, тогда какъ всецѣлый переворотъ (*l'inversion totale*) въ этомъ отношеніи, руководясь воображаемымъ идеаломъ, приводитъ лишь къ трансцендентному идиотизму (*une sorte d'idiotisme transcendant*). Контъ, подобно Фейербаху, рѣшительно говоритъ о пользѣ эгоизма въ общей экономіи нашей жизни. Во взглядѣ на социальное-моральное значеніе семьи Контъ также напоминаетъ Фейербаха. Семья—подлинная школа социальныхъ чувствъ: только здѣсь человѣкъ впервые научается выходить изъ узкихъ границъ своего эгоизма и научается жить для другихъ. Этотъ удивительный примитивный союзъ, въ которомъ два существа сливаются совершенно воедино, превосходитъ своею интимностью всякое иное сообщество. Семья, по Контю, должна быть моногамическою и устроиться по принципу самой строгой субординаціи. Общество, въ собственномъ смыслѣ этого слова, даетъ дальнѣйшее развитіе моральнымъ началамъ человѣческой жизни: оно этого достигаетъ новымъ принципомъ — коопераціи, который лишь смутно предчувствуется въ семейной жизни и вполнѣ развертывается въ общественной. Въ послѣдней находитъ себѣ примѣненіе—раздѣленіе труда, естественно приводящее къ соединенію силъ. Это ведетъ къ прочному развитію социального инстинкта, поскольку каждая семья чувствуетъ свою тѣсную зависимость отъ всѣхъ другихъ и, въ тоже время, сознаетъ свое собственное значеніе, исполняя ту или другую, во всякомъ случаѣ—подлинно общественную функцію, болѣе или менѣе необходимую въ общей экономіи ¹⁾. Правда, послѣдовательно проведенный принципъ раздѣленія труда ведетъ къ атомистическому раздробленію и угашаетъ сознаніе общихъ интересовъ; но это лишь заставляетъ довести

de l'habitude, à se consolider et se développer d'après le charme incomparable inhérent aux émotions et aux actes sympathiques.

¹⁾ Cours de philosophie positive, IV, 426.

этотъ принципъ до послѣдняго предѣла и учредить le *rou-voir spirituel*—особый классъ людей, имѣющій своей заботой общіе интересы. Такъ элементарныя начала позитивной морали содержатъ уже въ себѣ корни религіи человѣчества.

Если социальная статика имѣетъ дѣло, въ сущности, съ нравственными устоями общества, то и динамическая социологія, въ своихъ предположеніяхъ и своихъ выводахъ, имѣетъ важное этическое значеніе. Въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ не только то, что эволюція человѣчества, по мнѣнію Конта, ведетъ къ преобладанію чисто человѣческихъ свойствъ надъ животными свойствами человѣка, но и этическое значеніе основного понятія человѣчества, какъ оно уже намѣчено выше. Въ послѣднемъ итогѣ для Конта понятія позитивности и социальности совпадаютъ; и во всей его философіи социально-созидательный интересъ является преобладающимъ.

Мы видимъ, что мораль, какъ увѣчивающее примѣненіе всей позитивной философіи, находитъ свое естественное завершеніе въ религіи Человѣчества: о какомъ-нибудь разрывѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Духовный деспотизмъ религіи Человѣчества вполне соответствуетъ ретроградному направленію позитивизма.

Между тѣмъ есть полное основаніе говорить о болѣе или менѣе значительномъ переворотѣ въ философскихъ убѣжденіяхъ Конта, о новомъ періодѣ въ его жизни—*ma seconde vie*, какъ онъ самъ выражается ¹⁾. И мы спѣшимъ отмѣтить, что этотъ переворотъ связанъ съ его отношеніемъ къ нравственной проблемѣ и, въ частности, къ положенію этической науки въ энциклопедической системѣ. Нравственный интересъ всегда былъ преобладающимъ въ философской карьерѣ Конта. Говоря словами Милля, Контъ былъ нравственностью упоенный человѣкъ (подобно какъ Спиноза былъ, по выраженію Новалиса, Богомъ упоенный человѣкъ).

Въ этомъ отношеніи Контъ былъ недоволенъ своею первою системою, изложенною имъ въ *Cours de philosophie positive*, съ той именно стороны, что тамъ энциклопедическую систему завершала социологія, а въ новой системѣ, въ *Système de politique positive* ²⁾, эта роль принадлежитъ наукѣ, вновь

¹⁾ *Système de politique positive*, III, 5.

²⁾ Точнѣе сказать, *seconde vie* Конта началась не съ перваго тома *Système de politique positive*, который еще держится на точкѣ зрѣнія

присоединенной къ прежней энциклопедической системѣ,— нравственной философіи ¹⁾).

Методологически это измѣненіе можно выразить такъ: прежде Контъ построилъ свою энциклопедическую систему по объективному методу, а теперь по методу субъективному, прежде преобладающую роль приписывалъ разуму, а теперь чувству или сердцу ²⁾. Раньше Контъ смотрѣлъ на человѣка съ космологической точки зрѣнія, и мораль, какъ искусство, была для него приложеніемъ научно-позитивной философіи; въ Системѣ же позитивной политики Контъ стремится достигнуть единства въ знаніи и жизни съ субъективной точки зрѣнія ³⁾, съ точки зрѣнія не разума, а чувства, и моральная наука является у него уже вершиною энциклопедической системы. Легко понять, что мы должны натолкнуться на значительныя неясности, поскольку передвиженіе основной точки зрѣнія происходило во время самой работы. Такъ субъективность метода сначала имѣла смыслъ родовой субъективности, взглядъ на все съ точки зрѣнія человечества ⁴⁾, но затѣмъ эта субъективность постепенно замѣнялась индивидуальной субъективностью, когда новая система Конта достигла своего завершения. Повидному переходъ отъ родовой субъективности къ субъективности индивидуальной представляется незначительнымъ, маловажнымъ,—на самомъ дѣлѣ, говоря о субъективности родовой, Контъ еще остается на точкѣ зрѣнія *Курса позитив-*

Курса, а со второго тома и съ *Catéchisme positiviste*, который появился между первымъ и вторымъ томами Системы позитивной политики.

¹⁾ Вотъ какъ объ этомъ говорятъ самъ Контъ въ *Système de politique positive*, III, 5: .. principal contraste encyclopédique de ma construction religieuse (нужно имѣть въ виду, что *Système de politique positive* имѣетъ подзаголовокъ ou traité de sociologie, instituant la religion de l'humanité) envers mon élaboration philosophique. Celle-ci représenta la sociologie comme l'aboutissant universel; tandis qu'ici cette suprématie n'appartient qu'à la morale, qui, d'après l'ensemble du volume précédent, constitue seule le terme de la science et la source de l'art.

²⁾ Ср. (и для дальнѣйшаго) A. Schaefer *Die Moralphilosophie A. Comte's*, 75.

³⁾ *Système de politique positive*. II, 30: Toute synthèse doit être subjective, quoiqu'elle ne comporte de réalité que d'après une base objective.

⁴⁾ *Système de politique positive*, I, 579: il n'y a plus de véritable unité que par la méthode subjective, en rapportant au vrai Grand-Être toutes les études réelles, tant abstraites que concrètes.

ной философіи, но, переходя къ индивидуальной субъективности, порываетъ съ нимъ. Нѣтъ пропасти между позитивной философіей и религіей человѣчества, нѣтъ также пропасти между позитивной философіей Курса и субъективно-родовымъ синтезомъ, но необходимо констатировать рѣшительный разрывъ между позитивной философіей и субъективно-индивидуальной точкой зрѣнія. Отношеніе между объективно-научной системой и субъективнымъ міровоззрѣніемъ образуетъ центральный пунктъ въ религіозно-этической проблемѣ, и, отмѣчая наличность сознанія этого отношенія въ философіи Конта, мы ео ipso дѣлаемъ ей рекомендацію самую лучшую съ точки зрѣнія современнаго религіозно-этического сознанія: Контъ поднялся до высшей постановки религіозно-этического вопроса. И что онъ сдѣлалъ по этому вопросу, весьма поучительно. Рѣшая нынѣ этотъ вопросъ, нельзя пренебрегать тѣмъ, что уже сдѣлано, помимо другихъ, и Контомъ. Его основная мысль, что точки зрѣнія объективно-научная и субъективно-этическая могутъ гармонично сочетаться, отличается глубиною и вѣрностью. Но не болѣе того. У Конта глубоко и вѣрно поставлена проблема, но не рѣшена. Онъ слишкомъ односторонне и далеко провелъ свою первую систему, чтобы быть свободнымъ отъ ея послѣдствій во второй періодъ. Съ позитивнымъ изъясненіемъ природы и исторіи гармонируетъ субъективный синтезъ, но онъ не гармонируетъ съ пониманіемъ морали, какъ приложеніемъ позитивной философіи, съ отрицаніемъ психологіи. Открывается цѣлый рядъ противорѣчій между *Курсомъ позитивной философіи* и *Системой позитивной политики*, цѣлый рядъ непослѣдовательностей ¹⁾ — особенно во второй

¹⁾ Достаточно указать на то, что въ системѣ позитивной философіи находятъ себѣ мѣсто элементы *интуитивной* этики, какъ это отмѣчено у I. Martineau Types of ethical theory, vol. I, 501—502:.. The defect was in his theory, non in himself: his writings are imbued with an intense moral feeling; he lays the utmost stress upon the sentiment of Duty; and its deep root in his nature may perhaps be the very reason why he gives no account of it, but assumes it as self-evident that the social sympathies *ought* prevail, and so sets himself to make out that they can prevail. Need I say, that this is not Positive science, but *intuitive morals*? What else indeed can we make of his remarkable statement, that moral rules are to be laid down as self-evident and beyond discussion; inasmuch as, by a true knowledge of ourselves, we read them in every affection, thought, habit, and

системѣ. Контъ не могъ провести болѣе или менѣе рѣшительно раздѣленія между политикой, какъ выводомъ изъ социологіи, и нравственностью, какъ приложеніемъ науки объ индивидуальной природѣ человѣка: религіозный принципъ духовнаго деспотизма онъ вноситъ въ политику, а ригористическій принципъ подчиненія навязываетъ индивидуально-нравственной жизни,—вмѣсто того, чтобы поставить идеаломъ свободу условнаго развитія общественныхъ формъ жизни и свободное сочетаніе всѣхъ сторонъ личной жизни. Въ этомъ находитъ свой послѣдній приговоръ и религія Человѣчества. Контъ воздвигаетъ религію на нравственномъ идеалѣ единства. Но проектъ такой религіи можетъ быть удачнымъ лишь въ томъ случаѣ, если она, въ прямомъ и непосредственномъ примѣненіи, ограничивается лично-духовною областью. Иначе неизбежна вѣчная трагедія, возникающая отъ примѣненія религіозно-этической абсолютности къ условной области политики, и въ судьбѣ Конта не въ первый разъ разыгралась эта вѣчная трагедія. Всѣ разсужденія Конта о субъективно-индивидуальномъ синтезѣ, какъ ни цѣнны они сами по себѣ, остаются пустымъ звукомъ въ цѣлой системѣ его философіи, такъ какъ онъ никогда не могъ освободиться отъ придавливающей тяжести своего идола *le Grand-Être*. И оказалось, что къ раннему парадоксу, что человѣкъ есть чистая абстракція, онъ во „вторую свою жизнь“, въ сущности, добавилъ лишь ригористическое требованіе рѣшительнаго пожертвованія личностью въ пользу этого идола—Человѣчества. *La personnalité* представляется въ рѣзкой противоположности къ *la sociabilité* ¹⁾. *Vivre pour autrui* обращается въ высшій долгъ, который допускаетъ каждому ухаживать за своимъ тѣломъ и пользоваться естест-

action, with a conviction as complete as the strictest demonstrations could give,—a conviction arising simply from their intimate relation to the noblest instincts. Yet more explicitly he adds, that the reason why we must not rely on *proof* to produce moral convictions is, that proof is necessarily *objective*, fetched from observation and judgment exercised *on others*; whereas appreciation, to be moral, must be *subjective*, drawn from the inward consciousness of our own character. These propositions alight upon momentous truths; but it is curious to receive them from one who habitually ridicules the „pretended possibility“ of self-knowledge, amounting as they do to an explicit assertion of intuitive and psychological morals.

1) *Système de politique positive*, II, 387.

венными благами лишь въ той степени, въ какой это согласно съ социальнымъ назначеніемъ (*destination sociale*) ¹⁾, который требуетъ, чтобы сильные приносили себя въ жертву слабымъ (*le dévouement des forts aux faibles*) ²⁾. Чѣмъ оправдывается такая жертва? Закрадывается въ душу ужасное подозрѣніе, но есть ли это принесеніе живыхъ въ жертву мертвымъ, которые надъ ними господствуютъ,—въ жертву абстрактному Человѣчеству? Человѣчество не можетъ быть признано Абсолютомъ, который оправдывалъ бы такія жертвы. Критика Фейербаха вполне приложима и къ Конту. Исчерпывающее и основательное сужденіе о позитивномъ социализмѣ Конта находимъ у Фулье ³⁾, который остроумно доказываетъ невозможность социологической универсальности (абсолютности), такъ какъ универсальность можетъ быть только логическою и метафизическою. При всемъ громадномъ значеніи общества для индивидуума, нужно признать и индивидуумъ реальною силою и реальною цѣнностью. Хотя полное развитіе разума человѣческаго возможно лишь въ обществѣ, однако, по своей природѣ, разумъ есть сила индивидуальная: обществомъ человѣческимъ предполагается разумъ, а не разумомъ предполагается общество (*c'est la société humaine qui présuppose l'intelligence, ce n'est pas l'intelligence qui présuppose la société humaine*). Нельзя сказать, что личность *всегда* обязана обществу, что самая индивидуальность создается обществомъ. Полная человѣческая личность можетъ раскрыться лишь въ обществѣ, но это не значить, чтобы сама индивидуальность была абстракціею, ибо въ такомъ случаѣ общество слагалось бы изъ абстракцій (*l'humanité ne peut être composée d'abstractions*). Называя человѣчество вѣчнымъ и неизмѣримымъ, Контъ погружается въ туманъ онтологіи. Что бы ни говорилъ Контъ, человѣчество не можетъ быть Высшимъ Существомъ: оно есть лишь реальный и практическій замѣститель универсальнаго общества (*quoi qu'en dise Comte, l'humanité n'est pas le grand Être: elle n'est que le substitut réel et pratique de la société universelle*). Но всякая человѣческая социальность, въ своей дѣйствительности, настоящей или будущей, не тождественна

1) *Système de politique positive*, IV, 285.

2) *Ibid.* 329.

3) A. Fouillée *Les éléments sociologiques de la morale*, 1905, p. 233—255.

съ нравственною цѣлью. Нравственность есть реализація идеальной жизни, которая стоитъ выше различія между *я* и *другие*, разсматриваемые какъ центры частныхъ желаній и интересовъ. Съ идеальной точки зрѣнія истина, наприимѣръ, имѣеть цѣнность сама по себѣ, независимо отъ ея полезности, личной или даже общественной. Какимъ образомъ было бы возможно общественное благо, если бы не было никакого личнаго блага? Если моя жизнь не есть благо сама по себѣ и благо для меня самого, то какъ становится она благомъ для васъ въ тотъ моментъ, когда вы бросаетесь въ воду, чтобы вытащить меня? Изъ нулей цѣнности, умноженныхъ на безконечность пространства и времени, вы не составите реальной цѣнности (*avec des zéros de valeur multipliés à l'infini dans le temps et l'espace, vous ne constituerez pas une réelle valeur*). Для того, чтобы я чувствовалъ себя обязаннымъ по отношенію къ другому, нужно, чтобы въ другомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ во мнѣ самомъ было нѣчто такое, во имя чего я чувствовалъ бы себя обязаннымъ, было нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ все остальное. Долгъ по отношенію къ другимъ есть въ сущности долгъ по отношенію къ самому себѣ. Я не могу васъ уважать, если я не уважаю себя: справедливость требуетъ, чтобы сознательное я было священно во всякомъ существѣ, чтобы мое я было такъ же неприкосновенно для васъ, какъ ваше для меня. Мало того. Даже любить я васъ могу лишь въ томъ случаѣ, если люблю себя, если люблю въ себѣ то, что въ васъ считаю достойнымъ любви. Не по одной только снисходительности по отношенію къ другимъ, по милости къ нимъ—я долженъ быть справедливымъ и добрымъ: я обязанъ *предъ собою* быть добрымъ по отношенію *къ вамъ* (*je suis obligé envers moi à être bon envers vous*). Не уважая ваше достоинство, я въ то же время не уважаю собственное достоинство; унижая вашу человѣческую личность, я унижаю собственную; если проявляю злость по отношенію къ вамъ, я дѣлаю зло себѣ. Ударяя васъ, я ударяю себя самого, унижаю себя до звѣрства. Все, чѣмъ я обязанъ по отношенію къ вамъ, я обязанъ по отношенію къ себѣ; что я дѣлаю для васъ, я дѣлаю для себя,—чѣмъ погрѣшаю противъ васъ, погрѣшаю противъ себя. Здѣсь дѣло не въ одномъ механическомъ отраженіи всякаго моего дѣйствія по отношенію къ вамъ, въ механическомъ противодѣй-

ствіи съ вашей стороны,—здѣсь дѣло въ существенномъ тождествѣ истинныхъ человѣческихъ благъ. Мое высшее безкорыстіе есть мой высшій интересъ,—совершенная любовь къ другому есть совершенная любовь къ самому себѣ (*mon suprême désintéressement est mon suprême intérêt, le parfait amour d'autrui est le parfait amour de moi-même*). Съ нравственной точки зрѣнія, другіе люди это мои другіе я. Поэтому, чтобы быть *соціально* связанными и зависимыми, нужно, чтобы *нравственно* мы были *независимы*: чѣмъ сильнѣе наше индивидуальное существованіе, тѣмъ болѣе мы можемъ реализовать коллективное существованіе,—и обратно. *Абсолютный* альтруизмъ Конта попадаетъ въ тотъ же безвыходный кругъ, какъ и абсолютный эгоизмъ. Нужно искать синтеза, и элементы этого синтеза нужно реализовать въ личности. *Истинная природа человѣка не находитъ своего высшаго и всецѣлаго выраженія въ социальности*. Нравственное сужденіе должно обнимать не одни лишь *соціальные* послѣдствія человѣческихъ поступковъ; должно искать ихъ *принциповъ* или источниковъ въ *индивидуумъ*, въ его собственномъ характерѣ и въ его личной совѣсти ¹⁾..

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Въ февральской кн. Б.—В. на стр. 247—248 слѣдовало сдѣлать ссылку на *Исторію этики* Юдля.